

ОБРАЗЫ ОБОРОТНЕЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Гергокова Лейла Созакбайовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), leylagergokova79@mail.ru

В статье рассматривается мотив оборотничества в карачаево-балкарском фольклоре. Особое внимание уделяется характеристике «обура» – «ведьмы», женского демонического персонажа. Этот образ в устное художественное творчество карачаевцев и балкарцев (в былички и бывальщины) проник из низшей мифологии. Анализу подвергаются особенности конкретной объективации мотива превращения в устной прозе с привлечением сравнительного материала из других жанров, а также из образцов фольклора соседних народов, в жанровой номенклатуре которых присутствует идентичный женский мифический персонаж. В работе также рассматриваются возможные виды трансформации представленных образов, в зависимости от описываемого конкретного случая и функциональных особенностей. Указывается взаимосвязь анализируемых персонажей с тотемистическими представлениями, распространенными в древней этнической культуре – верованиях и архаических жанрах фольклора карачаевцев, балкарцев и соседних с ними народов.

С опорой на богатый фактический материал проанализированы повествования о медиальных функциях оборотней, путешествующих между двумя мирами при обязательной метаморфозе – временного превращения пожилых женщин в кошек и волков. Акцентируется внимание на том, что данные образы относятся в большинстве случаев к злой нечистой силе, деятельность которых направлена во вред людям.

Ключевые слова: ведьмы, колдуны, оборотничество, мифология, нечистая сила, былички, бывальщины.

С древних времен в народе уважали и опасались людей, обладающих оккультными познаниями и непостижимыми для сознания заурядного лица умениями. «Человек во все времена стремился познать окружающий мир, разгадать тайны природных явлений. Развитие науки способствовало объяснению многих «мистических событий», реализации фантастики. Но далеко не сразу все стало понятно и ясно. Люди чувствовали себя бессильными перед могущественными силами природы, боялись и дивились природным явлениям, поэтому все, что им было непонятно, относили к тайной высшей силе» [Джуртубаев 1991: 94].

А.Н. Афанасьев объясняет феноминальность таких людей тем, что «мало-помалу, путем чисто фактически, начинают выделяться из народа люди, одаренные большими способностями и пользующиеся потому большим влиянием. Действуя более или менее под религиозным увлечением, они являются народными учителями и предвещателями: им понятен смысл древних мифов и религиозного языка, они в силах разгадывать и объяснять всякие приметы и гадания, они знают таинственную силу трав и очищений, они могут совершать все чародейною силою заговора [Афанасьев 1996: 91].

Согласно распространенным представлениям, такие необычные люди жили изолированно от общества – на окраине села, у леса. О таких жителях у разных

народов слагались поверья, будто они в сговоре с нечистой силой, или же сами являются ее разновидностями – ведьмами, колдунами и оборотнями. По рассказам ряда информантов, данные персонажи – реальные люди, проживающие в обычных деревнях, но обладающие сверхъестественной силой. Они, по просьбе жителей, проводили магические ритуалы для исцеления больных или же наоборот (что было чаще), наводили порчу. Для этого заговаривали предметы, которыми пользовалась жертва, или ее личные вещи, после чего последняя исцелялась, или могла умереть – в зависимости от поставленной задачи. Истории об этих таинственных обрядах передавались из уст в уста в народе. Хотя считалось, что колдуны приносили как зло, так и добро, но все же функция вредительства была доминирующей, и поэтому их побаивались.

Люди-колдуны (ведьмы, оборотни), обладавшие способностью к метаморфозам, тщательно скрывали это, и только заметив их в момент превращения, можно было узнать, об их сущности. Некоторые ученые дают два определения понятию оборотничества: в широком смысле – это «разные виды магического изменения внешнего вида, способностями к чему обладают многие персонажи «низшей» мифологии» [Виноградова 1995: 467–469]; в узком смысле «временное, произвольное (чаще) или произвольное приобретение чужого инородного облика с последующим возвратом к своему первоначальному виду» [Виноградова 1995: 466].

Мотив оборотничества зарождается в лоне мифологического типа мировосприятия и получает свою разработку в фольклорно-мифологических повествованиях, а впоследствии эволюционирует и в литературные жанры. Более всего демонологическими персонажами в карачаево-балкарском фольклоре богаты былички и бывальщины. Бытуя в народе из поколения в поколение в рассказах, позже после принятия ислама, под влиянием религиозных воззрений, эти персонажи трансформировались в героев фольклорных (сказки) и еще позднее – литературно-художественных произведений. Несмотря на это, и в настоящее время существуют верующие в существование колдунов и оборотней, а также другой нечистой силы, обитающей в параллельном людям мире, но время от времени вмешивающейся в реальную жизнь.

У разных народов во многих странах сообщается о таких существах, которые идентичны «обурам» – «ведьмам». В основном это образ женщины-ведьмы, одинокой старухи, который встречается в мифах и сказках. Исполнители сказок описывают их как уродливых старух с длинными волосами и выцветшими глазами, в потрепанной одежде. В некоторых случаях они могут представиться как красивые молодые девушки. Обычно такие персонажи немногословны, нелюдины, говорят сложными иносказаниями или совсем непонятно, они обязательно обладают магическими способностями и силой оборотничества, тесно связаны с огненной стихией и с потусторонним миром. Данный образ в фольклоре карачаевцев и балкарцев прижился как «обур» – «ведьма», у даргинцев их называют «бязжук», у черкесов «уд» и т.д. О существовании этих персонажей свидетельствуют древние тексты, записанные от очевидцев и сохранившиеся в архивах. «Сам термин обур, видимо, происходит от того же корня, что и опуракъ – «наряд, одеяние». Превращение в другое животное рассматривалось, очевидно, как смена одежды» [Джуртубаев 1991: 94].

В карачаево-балкарском устном народном творчестве встречаются былички и бывальщины, где даются описания «обуров» – «ведьм» как одиноких старух: «Обурла кеслери къарт къатынладан боладыла . Сёз ючюн, Огъары Чегемде эски, къарангы бир юйде Пушай атлы бир къарт къатын жашагъанды. Ол обур болгъанды» [Архив КБИГИ]. – «Ведьмы сами бывают из пожилых женщин (Как не вспомнить здесь реплику из повести Н.В. Гоголя «Вий»: «Которая баба стара, та и ведьма»). К примеру, в Верхнем Чегеме в одном старом, мрачном доме жила одна старуха по имени Пушай. Она была ведьмой».

Исследуя данную тему, нельзя не задаться вопросом: «Почему же именно женский образ?». Многие исследователи считают, что именно женщина обладает в большей степени «тайными знаниями о целебных травах, умеет взаимодействовать с природой и животными, ей ведомы свойства природных женских сил [Королев 2006: 147], что наделяет их возможностью магического превращения – оборотничества (смены образа). Как и в культуре разных народов у карачаевцев и балкарцев забота об огне в жилище – это женская обязанность, поэтому «обуры» – «ведьмы», наряду с другими женщинами, занимаются домашним хозяйством, являются хранительницами очага, у них особая связь с силами огня. Следовательно, основная атрибутика «обуров» – «ведьм» связана с очагом (печкой), он дает тепло и горячую пищу, что является основным источником силы людей. В русских народных сказках распространены ведьмы, которые лежат на печи, встречают гостей, пытаются в ней изжарить похищенных детей.

В карачаево-балкарских быличках «обуры» – «ведьмы» колдуют у очага, там же произносят заклинания. «Огонь, как один из фундаментальных элементов мироздания часто используется в качестве ведущей силы при проведении обрядов, что наводит на мысль об определяющей роли ритуала в формировании мифов с участием женских демонических персонажей и их последующей трансформации в сказку» отмечает исследователь Файзуллина [Файзуллина 2019: 202]. В карачаево-балкарском фольклоре подобный обряд описывается в бывальщине «Пушай бла обурла» – «Пушай и ведьмы» записанной в Нижнем Чегеме в 1959 г., сохранившемся в архиве ИГИ КБНЦ РАН.

«Пушай тешегинден туруп, от жагъагъа келеди. Акъырын тыпыр ташны къобарды. Сора тубюнден бир улуу къара къошун, ичинде да къап-къара жауу бла, чыгъарды.

Сора къара жауу кезоне-башына сюртдю. Эски къарангы гумудан кийиз къамичи, сибиртки чыгъарып, алагъа да сюртдю. Къурум ожакны тубюне барып, сибирткиге минип, къамичи бла урду. Шуулдап, шырылдап, кёкге чыкъды.

Бийик кёкде булутлагъа булгъана, чулгъана, къарлы таулары тешелери таба айланып кетди» [Архив КБИГИ] – «Ведьма Пушай, встав с кровати, подошла к очагу. Осторожно приподняла очажный камень. Затем достала из-под него большой чёрный кувшин с чёрным-пречёрным маслом внутри.

Затем (она) обмазала глаза и голову маслом. Достав из старой темной кладовки войлочную плетё и метлу, обмазала и их. Подойдя под очажное отверстие, села на метлу, ударила плетью. Свистя, шипя, поднялась в небо.

Высоко в небе путаясь, вращаясь в облаках, улетела к вершинам снежных гор».

Согласно Неклюдову «Способность к оборотничеству можно обрести, узнав соответствующую заговорную формулу, заполучив талисман или какое-нибудь другое чудесное средство, либо освоив ряд колдовских процедур – перепрыгивание через лезвие ножа, веревку, ветку, коромысло, огонь на печном шестке, осиновую колоду и прочие вещи, обозначающие рубеж между мирами» [Неклюдов 2016: 17]. Подобный обряд совершает «обур» – «ведьма»: использует черную мазь (есть рассказы, где произносит заговор) и, ударив плетью, вылетает через печь на улицу. Магическая перемена образа происходит, как временное превращение.

Целью полета «обуров» – «ведьм» была гора Эльбрус, где по пятницам все они собирались на пир, отчитывались в содеянных злодеяниях друг перед другом. Главным лакомством у них было человеческое мясо. Они, забрав спящего человека из дома, убивали, варили и поедали его. Потом, собрав все кости в его кожу, они его оживляли и возвращали домой. После этого человек ничего не помнил. Однако же, впоследствии он мог внезапно заболеть и даже умереть.

Сходный сюжет встречается у адыгов, «было поверье, что каждую раннюю весну уды слетаются на кошках, собаках, кабанах, даже на крысах и других животных и зверях на шабаш в Сэбэруашх (Сэбэр Гуашъхь – А.К.), который

находился в верховьях реки Убын в Причерноморской Шапсугии. До этого они все отчитывались перед главным удом о том, что они сделали за год, потом всю ночь ели, пили, бесновались и на рассвете разлетались.

Здесь примечательно, что каждый уд забирал с собой мешок, в котором находились или земные блага или что-то вредное для людей» [Кук 2015: 48].

В карачаево-балкарских быличках и бывальщинах распространен тип превращения человека в животное, но в других фольклорных жанрах встречаются также иные разновидности перевоплощения. В рассказах информаторов об «обурах» – «ведьмах» и их кознях мотив оборотничества устойчиво связан с образом кошки или волка, хотя, диапазон образов животных в которых могли превратиться сверхлюди, в карачаево-балкарском фольклоре весьма широк (орлы, медведи, быки, волки, лисы, кошки, собаки змеи и т.д.). «Интересно отметить и тот факт, что оборотничество, традиционно понимаемое в европейской и американской культуре как зависящее от фаз луны превращение человека в волка, ставшее следствием укуса оборотня, в карачаево-балкарском устном творчестве не встречается» [Гулиева (Занукова) 2019: 97].

В мифических преданиях, легендах и сказках, народных обычаях карачаевцев и балкарцев волк представляется как тотемический предок, что дает возможность тождества человека и животного [Гергокова 2017: 25]. Следовательно, в исследуемом фольклоре распространены былички с перевоплощением «обура» – «ведьмы» в волчиц. Одним из таких рассказов является «Обурла» – «Ведьмы», записанный от 85-летней Гыжайдан Ахматовой в 1973 г. Здесь повествуется о том, как две пожилые женщины возле реки скинули с себя одежду и, превратившись в волков, растерзали стадо коз. Обряд перевоплощения не описан полностью. «Информаторы сообщают отдельные его детали. К ним относится такая, очевидно, главная акция, давшая название обряду, как кувырkanie, переворачивание через голову» [Филатова 2004: 104].

«Эки кьарт кьатын, келе-келип, алай суу боюнунда тешиндиле. Сора, сейир этип, узакъдан кьарап тургъанымлай, беш кере суугъа кирип, беш кере юзmezге аунап, бёрюле болдула» [Архив КБИГИ] – «Две старухи, придя, там у реки скинули с себя одежду. Пока я смотрел в удивлении, пять раз окунувшись в воду и пять раз кувыркнувшись на песке, (они) превратились в волчиц».

Кувырkанием или поворотом «отмечается пересечение рубежа между мирами: для перехода из одного состояния в другое надо повернуть кольцо или иной волшебный предмет, повернуться, перевернуться, перекувыркнуться, «перекинуться», соответственно, оборотня называют перекидышем, перевертышем» [Даль 1991: 38].

В народе бытует множество рассказов о превращениях «обуров» – «ведьм» в кошек. Люди верят, что «обуры питают пристрастие к крови грудных младенцев, или что они, пробравшись к колыбели младенца в образе кошки, душат детей» [Джуртубаев 1991: 89]. Считалось, что если ранить оборотня, пока он находится в животном обличье, то рана сохранится и после возврата в исконное состояние. Именно так в древности и выявляли ведьм-оборотней. Об этом рассказывается в быличке «Кечелик» – «Ночной», зафиксированной от Тюбеевой Зафуры в 1974 г. Сказительница передала рассказ со слов бабушки, которая обожгла морду кошки-оборотня, высасывавшей кровь из пупка младенца. Позднее узнали, что подобное увечье оказалось у какой-то женщины в селе. Она и была «обуром» – «ведьмой».

«Кече, сабий жукълап тургъанлай, обур, киштик сыфатны алып, ожакъ бла неда эшик бла тюшюп, сабийни киндигинден къанын эмип ёлтюргенди. Мени аммам кеси обурну тутханды. Эки жашындан бирин алай этип ёлтюргенди. Экинчисин да алай этип ёлтюре тургъанлай тутуп, жухун отха сукъгъанды. Ол алай этгенлей, киштик ычхынып къачханды. Экинчи кюн къоншу кьатын ауруп жатханды. Сора баргъанда, аны жуху байланып тура эди. Обур кьатын ол

болганды. Аны жуху отха күйюп тура эди» [Архив КБИГИ] – «Ночью, когда ребёнок спал, ведьма (колдунья), приняв облик кошки, спустившись через трубу или через дверь, убила ребёнка, высосав из него кровь через пупок. Моя бабушка сама поймала ведьму. Одного из двух ее сыновей она убила таким образом. Когда она и второго так же убивала, поймала и сунула мордой в огонь. Когда она сделала так, кошка вывернулась и убежала. На второй день соседка слегла. Когда пошла проведать, у нее было забинтовано лицо. Ведьмой была она. Ее лицо было обгоревшим».

Способность «обуров» – «ведьм» перевоплощаться породила поверье о том, что как бы человек ни остерегался их, они все равно проникали в закрытое жилище. Поэтому, чтобы обезопасить себя от подобных несчастий, люди совершали особый ритуал: изгоняли их, читая молитвы, или же проводили магические обряды. Считалось, что только так можно защитить жилище от нечистой силы.

В карачаево-балкарском устном творчестве встречается большое количество повествований и поверий о кошках. Подобные рассказы мы слышали от старшего поколения. Например, одним из таких повествований является текст о том, почему кошки едят с закрытыми глазами. В рассказе говорится, что в другом мире, кошку спросят, кормил ли ее хозяин, на что она ответит, что не видела.

Кошка вхожа в жилище человека, она находится рядом с ним, что дало ему возможность в повседневной жизни изучить ее повадки и привычки, и узнать хитрости, поэтому и перевоплощение «обуров» – «ведьм» в кошек было не случайным. Преимущество превращения в кошек отслеживается и в фольклоре других народов Кавказа: «...уды чаще всего выступают в образе кошек. Основное время похождения удов – ночь, когда они свободно охотятся за своими жертвами». [Шортанов 1982: 185].

Похожие рассказы о котках-оборотнях встречаются и в османской демонологии. Животное похожее на кошку, садящееся на грудь спящему человеку, и таким образом душащее его называют «Кара-кура». «Кара-кура, животное вроде кошки, тихонько-тихонько ступая, садится на человека, когда он погружен в глубокий сон. Куда ни сядет Кара-кура, человек чувствует, что на него навалилась тяжесть; он не только не может повернуться, но теряет голос, дыхание у него обрывается. Ему хочется крикнуть, и не может. Так продолжается несколько минут. Человек обливается потом. Вдруг приходит ему в голову прочесть стих из Корана «Эзюю, бесмеле»; тихонько открывает он глаза, но Кара-кура, сидевшая на нем, уже исчезла, ошалелый, смотрит он по сторонам – кругом все тихо. Он все читает Коран» [Гордлевский 1962: 308].

Итак, мифы проникают «в фольклорные тексты как в виде архаических представлений о мире, традиционных архетипов народного сознания, так и в качестве формообразующего элемента (языка и стиля), а многие мифологические мотивы становятся генетической основой для дальнейшего развития их, трансформации в иные фольклорные жанры» [Маргуни 1983: 142]. Колдуны и ведьмы в других жанрах фольклора совсем иные, чем в быличках и бывальщинах. В карачаево-балкарском языке синонимом слова «обур» является «кьурха», переводится – «ворожея», «чародейка», «ведьма». «Это может быть злая старуха, вредящая героям, наводящая чары, помогающая их врагам коварными советами, но чаще это старая мудрая женщина, сведущая в травах и снадобьях» [Джуртубаев 1991: 93]. Она наравне с демонологическими героями может менять свой облик, превращаясь в животных.

Таковыми сверхъестественными возможностями обладает героиня карачаево-балкарского эпоса «Нарты» – Сатанай. Она лечит нартов травами, учит их хитростям, чтобы помочь попавшему в плен к эмегенам Ёрюзмеку, она оборачивается чернубурой лисой. За ней в сказаниях прикрепились такие эпитеты как «обур Сатанай», «кьуртха Сатанай».

«Ёрюзмекни обур къатыны Сатанай аны билгенди, дейди,
Ол къара тюлюк болуп, эртденликге, дейди,
Къаланы аллына келгенди, дейди» [Нарты 1994: 108].

«Жена Ёрюзмека – ведунья Сатанай об этом узнала, говорят,
Она, обернувшись черной лисой, утром, говорят,
Пришла к крепости, говорят»

В нартском эпосе силой оборотничества обладали не только «обуры» – «ведьмы», но и другие герои, владевшие «чудесными предметами». Например, великан, рассердившись, на нарта Ёрюзмека, ударив плетью, превращает его в охотничью собаку.

Эмеген ачыуланды, кюкюреди, дейди.
Ундурукъ кьулагъындан *къамичини* алды, дейди.
– Кёкде баргъан къанатлы болмаса,
Жерде баргъан жаныуарны иймеэча, эгер бол! – деп,
Жатхан Ёрюзмекни урду, дейди.
Ёрюзмек, сынсып, эгер болуп кьопду, дейди» [Нарты 1994: 108].

«Великан разозлился, загремел, говорят.
Снял со спинки кровати *войлочную плеть*, говорят.
– Кроме птиц, пролетающих на небе,
Чтобы не упускал ни одного зверя на земле,
стань охотничьей собакой! – сказав,
Ударил, лежащего Ёрюзмека, говорят.
Ёрюзмек, заскулив, обернулся в охотничью собаку, говорят»

Этот атрибут ведьм из мифологии перешел в другие жанры фольклора, трансформировавшись в предмет, обладающий чудесными свойствами, имеющий возможность изменять облик персонажа сам без помощи колдунов. Подобное обращение имеет насильственный характер, являющийся следствием воздействия наделенного волшебной силой предмета.

Чудесная плеть часто встречается и в волшебных сказках. «Обычно ее владельцами выступают антагонисты героя...» [Гулиева (Занукоева) 2019: 89].

С подобными сюжетами мы сталкиваемся во многих карачаево-балкарских волшебных сказках. Но в данном жанре роль «обуров» – «ведьм» иная. «Сказочные колдуны и ведьмы – это волшебники, с их великим сказочным могуществом, между тем как колдуны и ведьмы в быличках и бывальщинах реальные люди. В отличие от быличек, в волшебных сказках «в образе обур могут представлять как женщины, так и мужчины» отмечает Гулиева Ф. «Они также обладают магическими способностями, умеют перевоплощаться в других людей, животных и даже неодушевленные предметы» [Гулиева (Занукоева) 2019:89].

Таким образом, одно из главных мест среди демонологических персонажей в устном народном творчестве карачаевцев и балкарцев, как и в мифах и сказаниях большинства народов, занимает ведьма. Внешний облик и некоторые особенности «обуров» – «ведьм» сближает ее образ с подобными персонажами других народов Кавказа, а так же с образами славянской демонологии: антропоморфность, женская основа, отрицательная внешность, магические возможности, распущенные волосы, особая отношение к огненной стихии, мотив похищения людей, перемещение между мирами. Взаимопроникновение сюжетов и образов культуры одного народа в фольклорные произведения другого определило их многовековое соседство.

Хотя уже много столетий карачаевцы и балкарцы проповедуют мусульманскую религию, в их этнической духовной культуре все же сохранились следы

языческих верований: суеверия, обряды, заговоры. Через устные рассказы можно отследить исчезнувшие в прошлые времена обрядность и мифологию, во многом определяющие самобытность народа, его отношение к разным явлениям действительности, в том числе и к нечистой силе, колдовству. С развитием науки многие сверхъестественные явления, нашли рациональное объяснение, но страх людей перед тайнами природы не покинул полностью их сознание.

Источники и литература

1. *Архив ИГИ КБНЦ РАН*. Карачаево-балкарский фольклор. 1 папка, 50 паспорт; 2 папка, 40 паспорт; 24 паспорт, 43 папка.
2. *Афанасьев А.Н.* Происхождение мифа. М.: Индрик, 1996. 638 с.
3. *Виноградова Л.Н.* Оборотничество // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И.Толстого. Т. III. М., 2004.
4. *Гергокова Л.С.* Мифологические персонажи в карачаево-балкарских быличках и бывальщинах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6 (72). Ч. 2. 2017. С. 24–26.
5. *Гордлевский В.А.* «Из османской демонологии» // Избранные сочинения. Т. 3. История и культура. М.: Издательство восточной литературы, 1962. С. 299–325.
6. *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* «Карачаево-балкарская волшебная сказка». Нальчик, 2019. 108 с.
7. *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Мотив оборотничества в карачаево-балкарских волшебных сказках // Вестник КБИГИ. 2019. № 4–1 (43). С. 97–103.
8. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: Русский яз. 1981–1982. Т. 4. P-V. 1982. 683 с.
9. *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев (краткий очерк). Нальчик: Эльбрус, 1991. 256 с.
10. *Королев К.* Энциклопедия сверхъестественных существ. М.: Мидгард, Эксмо, 2006. 720 с.
11. *Кук А.С.* Потусторонние силы и нартский эпос: мифические образы уда и джын // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2015. № 7 (31). С. 46–56.
12. *Маргуни А.В.* К вопросу о происхождении и развитии сюжета и жанра (Миф – эпос – сказка) // Historical-Philological Journal. 1983. № 1. С. 136–148.
13. *Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев.* М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 656 с.
14. *Неклюдов С.Ю.* Оборотничество: «природа вещей», объем понятия, региональные версии // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. 5 / отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М.: Индрик, 2016. С. 12–34.
15. *Файзуллина Г.Ч.* Женские демонические персонажи в мифах и фольклоре народов Западной Сибири: генезис, функции, атрибутика // Научный диалог. 2019. № 12. С. 198–209.
16. *Филатова В.Ф.* Былички об оборотнях // Язык и образы фольклора. Русская речь. № 6. 2004. С. 103–107.
17. *Шортанов А.Т.* Адыгская мифология. Нальчик: Эльбрус, 1982. 194 с.

IMAGES OF WELFARE IN KARACHAYEV-BALKAR FOLKLORE

Gergokova Leyla Sozakbayovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Karachay-Balkar Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), leylagergokova79@mail.ru

The article examines the motive of werewolves in the Karachai-Balkarian folklore. Particular attention is paid to the characteristics of «obur» – «witch», a female demonic character. This image penetrated into the oral artistic creation of the Karachais and Balkars (in bylichki

and former lands) from lower mythology. The particularities of the specific objectification of the transformation motive in oral prose are analyzed using comparative material from other genres, as well as from samples of the folklore of neighboring peoples, in the genre nomenclature of which there is an identical female mythical character. The work also considers possible types of transformation of the presented images, depending on the described specific case and functional features. The interrelation of the analyzed characters with totemistic ideas widespread in the ancient ethnic culture – beliefs and archaic genres of folklore of the Karachais, Balkars and neighboring peoples is indicated.

Based on the rich factual material, the author analyzes the narratives about the medial functions of werewolves traveling between two worlds during the obligatory metamorphosis – the temporary transformation of elderly women into cats and wolves. Attention is focused on the fact that these images refer in most cases to evil evil spirits, whose activities are aimed at harm to people.

Keywords: witches, sorcerers, werewolves, mythology, evil spirits, bylichki, past.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-140-147